

- Николаев И. С., Герд А. С. Словарь топонимии и микропонимии Ингерманландии // Севернорусские говоры. 2015. №14. С. 112–119. EDN [VCYFBV](#)
- Попов Р. В. Микропонимии в словаре городской лексики // Вестник Курганского государственного университета. 2019. №1. С. 100–103. EDN [YWITHF](#)
- Семенова И. П. Чувашские и мордовские микропонимии как результат межэтнических контактов // Мордва и чуваша: история и современность. Чебоксары, 2022. С. 99–104. EDN [QMDPZY](#)
- Семенова И. П. Чувашские микропонимии в ситуации языкового контакта с татарами: к постановке проблемы // Татары и чуваша – ветви одного древа. Чебоксары, 2021. С. 293–299. EDN [XYXTJJ](#)
- Супрун В. И. Размышления над ономастической терминологией // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. №8. С. 133–138. EDN [OOARSL](#)
- Фомин Э. В., Иванова А. М. Опыт словаря русских фамилий чувашского происхождения // Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований казанской лингвистической школы. Казань, 2018. Том 1. С. 236–240. EDN [MHJHAT](#)
- Шипкова М. Словарь микропонимии Моравии и Силезии: теоретический и интерпретационный аспекты // Вопросы ономастики. 2010. №1. С. 55–66. EDN [THUDWX](#)

References

- Egorova, A. S. (2019). Mari layer of Chuvash hydronymy. *Chuvashi i mariitsy - sosedi "po obshchemu domu"*, 235-240. Cheboksary. EDN: [XCNEGG](#)
- Egorova, A. S. (2019). Derivational models of the Chuvash hydronyms. *Onomastika Povolzh'ia*, 195-199. EDN: [FBHBNK](#). <https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.195>
- Egorova, A. S. (2021). Lexico-semantic groups of Chuvash hydronyms. *Development of education*, 4(1), 29-34. EDN: [LHTRMW](#). <https://doi.org/10.31483/r-98039>
- Kirillova, V. Iu. (2018). Alliterating words in the Volga-Kama languages: to the problem of compiling a dictionary. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 4, 260-264. EDN: [YRJLSX](#)
- Kuznetsov, A. V., & Kuznetsova, N. M. (2022). O neissledovannykh plastakh geograficheskikh nazvanii (na primere toponimiki Iantikovskogo raiona Chuvashskoi Respubliki). *Ashmarinskie chteniia*, 112-117. Cheboksary. EDN: [HCAHNC](#)
- Leont'eva, A. A. (2016). Names man-made objects in the Chuvash microtoponimy. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2, 207-2013. EDN: [WAGRZT](#)
- Matveev, A. K. (2001). The apology of the name. *Izvestia. Ural Federal University Journal*, 21, 76-92.
- Nikolaev, I. S., & Gerd, A. S. (2015). Vocabulary of toponyms and micro-toponyms of Ingermanland. *Northern Russian Dialects*, 14, 112-119. EDN: [VCYFBV](#)
- Popov, R. V. (2019). Microtoponyms in the dictionary of urban vocabulary. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1, 100-103. EDN: [YWITHF](#)
- Semenova, I. P. (2022). Chuvash and Mordovian microtoponyms as a result of interethnic contacts. *Mordva i chuvashi: istoriia i sovremennost'*, 99-104. Cheboksary. EDN: [QMDPZY](#)
- Semenova, I. P. (2021). Chuvash microtoponyms in a situation of language contact with Tatars: to the statement of the problem. *Tatary i chuvashi - vetvi odnogo dreva*, 293-299. Cheboksary. EDN: [XYXTJJ](#)
- Suprun, V. I. (2011). Reflection on onomastic terminology. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 8, 133-138. EDN: [OOARSL](#)
- Fomin, E. V., & Ivanova, A. M. (2018). The experience of the dictionary of russian surnames of chuvash origin. *Nauchnoe nasledie V. A. Bogoroditskogo i sovremennyi vektor issledovaniia kazanskoi lingvisticheskoi shkoly*, 1, 236-240. Kazan'. EDN: [MHJHAT](#)
- Shipkova, M. (2010). Anonymic dictionary of Moravia and Silesia: theoretical and interpretative aspects. *Problems of Onomastics*, 1, 55-66. EDN: [THUDWX](#)

Информация об авторах

Леонтьев Дмитрий Эдуардович – студент, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-1858-9943>;
e-mail: dmitrijtilli@gmail.com

Фомин Эдуард Валентинович – кандидат филологических наук, доцент, Чувашский государственный институт культуры и искусств, г. Чебоксары, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6708-9909>;
e-mail: yeresen@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.01.2024
Принята к публикации 07.03.2024
Опубликована 25.03.2024

Information about the authors

Dmitriy E. Leontyev – student, Chuvash State University named after I. N. Ulyanova, Cheboksary, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-1858-9943>;
e-mail: dmitrijtilli@gmail.com

Eduard V. Fomin – Cand. Sci. (Phil.), associate professor, Chuvash State Institute of Culture and Arts, Cheboksary, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6708-9909>;
e-mail: yeresen@yandex.ru

Received 17 January 2024
Accepted 07 March 2024
Published 25 March 2024

Семантическое поле древесных ритуальных предметов в русском заговорно-заклинательном обряде

<https://doi.org/10.31483/r-109022>

УДК 392 (57)

Москвина В. А.

Омский государственный педагогический университет г. Омск, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0003-1428-7017>, e-mail: moskvina_va@mail.ru

Резюме. В статье на примере группы ритуальных предметов древесного происхождения рассматривается предметный код русской заговорно-заклинательной традиции. Этой группе в исследованиях уделено недостаточно внимания, на что указывает краткий обзор литературы. Материалом для анализа послужили русские заговоры XIX–XXI вв., а также полевые материалы, записанные автором в период с 2003 по 2023 г. в Омском Прииртышье. Цель настоящей работы – определить семантическое поле группы древесных предметов в русских заговорах, а также выявить соотношение ритуального предмета и его вербального символического воплощения. Основным методом исследования – историко-типологический, позволяющий провести типологические параллели с целью уточнения границ семантического поля, в которое входят ритуальные предметы исследуемой группы. Также в статье реализуются комплексный и межжанровый подходы. Проведенный анализ показывает широкое распространение ритуальных предметов древесного происхождения в русской заговорной традиции. Предметы входят в текст заговора в качестве самостоятельных образов, а могут использоваться относительно автономно от вербального компонента заговора. Семантика предмета находится в соответствии с функционально-тематической направленностью заговора и определяется его содержанием. Рассмотрение двух предметов – сучка и щепок (стружек) выявило расширение их функций и семантического поля в русских заговорах Сибири. Этот вывод определяет направление дальнейшего исследования заговорной атрибутики в аспекте взаимовлияния аборигенных и переселенческих традиций.

Ключевые слова: семантическое поле, заговорный обряд, акциональный код, ритуальный предмет.

Для цитирования: Москвина В. А. Семантическое поле древесных ритуальных предметов в русском заговорно-заклинательном обряде // Этническая культура. 2024. Т. 6, № 1. С. 25–30. DOI 10.31483/r-109022. EDN QSHKHR

The semantic field of wood ritual objects in the Russian spell rite

Veronika A. Moskvina

 Omsk State Pedagogical University
Omsk, Russian Federation. <https://orcid.org/0000-0003-1428-7017>, e-mail: moskvina_va@mail.ru

Abstract. The article examines the subject code of the Russian spell tradition using the example of a group of ritual objects of wood origin. This group has received insufficient attention in research, as evidenced by a brief review of the literature. The material for the analysis is the main publications of Russian conspiracies, as well as field materials recorded by the author in the period from 2003 to 2023 in the Omsk Irtysh region. The purpose of this work is to determine the semantic field of a group of wood objects in Russian spells, as well as to identify the relationship between a ritual object and its verbal and symbolic embodiment. The main method of research – historical-typological – allows us to draw typological parallels in order to clarify the boundaries of the semantic field, which includes ritual objects of the group being studied. The article also implements complex and cross-genre approaches. The analysis showed the widespread use of ritual objects of wooden origin in the Russian charm tradition. Objects are included in the text of the conspiracy as independent images and can be used relatively independently of the verbal component of the conspiracy. The semantics of the ritual object is in accordance with the functional and thematic orientation of the spell and is determined by its content. An examination of two objects – a bitch and a sliver – revealed an expansion of their functions and semantic field in Russian spells of Siberian. This conclusion determines the direction of further research into spells paraphernalia in the aspect of the mutual influence of aboriginal and settler traditions.

Keywords: spell rite, action code, ritual object, semantic field.

For citation: Moskvina V. A. (2024). The semantic field of wood ritual objects in the Russian spell rite. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 6(1), 25–30. EDN: QSHKHR. <https://doi.org/10.31483/r-109022>.

Введение

Изучение атрибутики заговоров предполагает решение ряда проблем: систематизации ритуальных предметов, определения их функционально-семантических и региональных особенностей, установление связей ритуального предмета и его вербального символического образа. Как правило, выявление заговорной атрибутики, определение ее региональных и функционально-семантических особенностей не имеет самостоятельного значения в работах иссле-

дователей, а является лишь специфичным фоном региональной (локальной) традиции. Так, В. Л. Кляус в «Указателе сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян» формирует указатель предметов и локусов, опираясь лишь на вербальный компонент и не затрагивая акционально-предметный уровень заговорного обряда¹. Тот же подход

¹ Кляус В. Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. Москва : Наследие, 1997. С. 424–449.

представлен и в монографии ученого, где он рассматривает, как в заговорном сюжете предметы связаны с действиями, и приходит к выводу, «что предметы в заговорах и заклинаниях используются в соответствии со своей функцией в реальной жизни человека» [Кляус, 2000, с. 91]. В. П. Федорова раскрывает некоторые особенности магических действий, бытующих в Южном Зауралье, и отмечает: «Совершая магические действия, человек обращался к повседневным предметам, но одновременно приподнятым над бытом заключенной в них сакральностью: нить, камень, вода, земля, печь и т. д.» [Федорова, 2003, с. 212].

Исследование предметного кода заговоров в настоящее время продолжается на материале разных национальных и региональных традиций. Т. В. Ханташкеева рассматривает пищевой код в сравнительных конструкциях и отмечает, что «в большинстве случаев сравнительные обороты передают идею жизни или ее невозможности, что сравнимо с отсутствием у человека еды, хлеба, соли и питья (воды)» [Ханташкеева, 2009, с. 104]. Р. А. Султангареева отмечает сохранение древних форм мировоззрения в предметном коде башкирских лечебных заговоров [Султангареева, 2014]. На примере удмуртского лечебного обряда Т. И. Панина выявляет особенности использования атрибутов и сохранность их изначального смысла в вербальной части [Панина, 2018]. Воду, хлеб, соль Н. О. Косицына определяет как ядерные символы пищевого кода курских заговоров [Косицына, 2023]. Иначе говоря, актуальность изучения предметного кода заговорного обряда остается высокой. С одной стороны, ритуальные предметы требуют осмысления в контексте вербального и акционального компонентов заговора, с другой – семантика ритуального предмета не всегда соответствует его функциям в реальной жизни.

Цель настоящей работы – рассмотреть в русских заговорах группу предметов, связанных по своему происхождению с деревом, и определить сематическое поле, ею образованное, а также выявить соотношение ритуального предмета и его вербального символического воплощения.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили более 2500 текстов из наиболее известных публикаций русских заговоров второй половины XIX – начала XXI в.²

2 Вятский фольклор. Заговорное искусство / вступительная статья А. А. Ивановой. Котельнич, 1994. 112 с.; Великорусские заклинания / послесловие, примечаний и подготовка текста А. К. Байбурина. 2-е издание, исправленное и дополненное. Санкт-Петербург : Европейский дом, 1994. 215 с.; Заговоры // Обрядовая поэзия Пинежья. Москва, 1980. С. 168–175; Замкну замки замками: заговорно-заклинательная поэзия Шадринского края / составитель В. Н. Бекетова, М. А. Колмогоров. Шадринск, 2001. 119 с.; Нижегородские заговоры (в записях XIX–XX веков) / составитель, вступительная статья и комментарии А. В. Коровашко. Нижний Новгород, 1997. 128 с.; Обереги и заклинания русского народа. Москва : КРОН-ПРЕСС, 1998. 190 с.; Русские заговоры и заклинания : материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / под редакцией В. П. Аникина. Москва : Издательство МГУ, 1998. 480 с.; Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: песни, заговоры / составители Ф. Ф. Болонев, М. Н. Мельников, Н. В. Леонова. Новосибирск, 1997. 605 с.; Традиционный фольклор Новгородской области: сказки, легенды, предания, былички, заговоры (по записям 1963–1999 г.) /

Автором в работе также рассмотрены тексты, опубликованные в монографических исследованиях [Федорова, 2003; Москвина, 2005]. Ценным источником явились полевые материалы автора (ПМА), сделанные в Омском Прииртышье в период с 2003 по 2023 г.

Выбор для анализа не всей системы заговорных предметов, а лишь связанных по происхождению с деревом обусловлен тем, какое место они занимают в заговорной традиции. На продуктивность такого подхода указывает Ю. Е. Березкин. Исследователь рассматривает распространенность фольклорных мотивов и отмечает важность «сопоставления региональных комплексов мотивов, но не в совокупности, а по тематическим группам» [Березкин, 2019, с. 38].

Основной метод исследования – историко-типологический. Данный метод предполагает движение в рассмотрении материала от сравнения единичных текстов к выявлению фактов исторической типологии. Такой подход позволяет провести типологические параллели с целью уточнения границ семантического поля, в которое входят ритуальные предметы исследуемой группы. По сравнению с другими древесные предметы функционально ограничены отдельными типами русских заговоров, и нередко возникает ощущение случайности их употребления в обряде. Именно типологическое сопоставление с атрибутикой шаманских ритуалов, наиболее полно представленной в работах Н. А. Алексеева [Алексеев, 1980], Г. В. Ксенофонтова [Ксенофонтов, 1992] и Е. В. Смоляк [Смоляк, 1991], проясняет целый ряд семантических параллелей.

Комплексный подход важен в связи с тем, что «символика заговоров, их мотивы и язык формируются на пересечении ритуала, фольклорной образности и диалектной речи» [Агапкина, 2019, с. 323].

Также в статье реализуется межжанровый подход к изучению группы заговорных атрибутов. Актуальность данного метода в современной фольклористике не вызывает сомнения. С. В. Алпатов предлагает рассматривать фольклорный мотив с кросс-жанровой позиции, так как он «может воплощаться в повествовательной и паремийной форме, в ритуальном жесте, формуле обрядовой песни или магического заклинания, а также в лабильных дискурсивных форматах поверья, запрета, предписания» [Алпатов, 2022, с. 34].

Результаты исследования и их обсуждение

Заговоры с древесными предметами, такими как ветки, сучки, поленья, кора и щепки, встречаются практически во всех основных жанровых сборниках. Функции этих предметов сформировались на основе общей семантики дерева как символа гармоничного устройства мира. Дерево в заговорах, во-первых, это оберег, предохраняющий от проникновения в мир злых сил (например, в заговорах с формулой «под дубом доска под доской тоска»), во-вторых, объект, принимающий на себя болезнь или несчастье (например, в заговорах с мотивом передачи болезни с головы человека

[Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский дом)]; научный редактор А. Ф. Некрылова. Санкт-Петербург : Алетей, 2001. 534 с.

на крону дерева, с ног – на корни и т. п.), в-третьих, предмет, источающий силу и крепость (например, в заговорах с формулой сравнения «как дерево крепко, так и человек крепко»).

Несмотря на эту общую семантику, древесные предметы различаются по тем действиям, которые с ними производит знахарь: ветками сметает или стегает, сучками лечит лишай, чирей, ячмень, грыжу и т. п. («как сучок сохнет, так и болезнь засохни»), корой трет или покрывает больное место, щепки считает, строгаёт, сыплет, сжигает, прикладывает.

Семантика сучка взаимосвязана с семантикой других предметов из дерева, но при этом имеет свою специфику. Выбор данного предмета зависит от вида дерева, к которому он принадлежит. Исполнители чаще указывают, что сучок должен быть осиновый или сосновый, иногда еловый. На форму или количество сучков в русских заговорах внимание почти не обращается. Есть лишь единичные упоминания об этом. Например, в заговоре от грыжи, записанном от уроженки с. Тевриз Омской области, отмечается: «Заговаривают на сук: если девочка, сук должен быть длинный, если мальчик – круглый» (ПМА).

В русских заговорах сучок всегда один, в отличие, например, от белорусского текста, в котором бородавки заговариваются на 18 сучков³. Правда, в сборнике «Полесские заговоры» он единственный с атрибутикой сучка.

Традиционно сучок фигурирует в русских заговорах от чирьев, бородавок, редко от всех болезней. В Западной Сибири круг болезней, которые излечиваются с помощью сучка, шире: кроме названных недугов, в этот круг входят ячмень, лишай, грыжа, ушибы, младенческие болезни, порча.

Сучок в заговорно-заклинательном акте может выступать как часть конкретного дерева (в таком виде сучок эквивалентен ветке, суку) или деревянного предмета (столешницы, подоконника, косяка, пола, доски) и как самостоятельная единица (выпавший сучок, который лучше всего, по мнению исполнителей, найти нечаянно).

В русских лечебных заговорах основной контекст атрибута в виде сучка – мотив засыхания или мотив невозможности его роста. В любовной же магии сохнет не сучок, а другие предметы, чаще продукты. Можно предположить, что болезни сравнивают с засыхающим сучком из-за внешнего сходства (например, фурункула, бородавки). Тогда возникает вопрос, почему в западносибирских заговорах сучок используют от лишая, ушибов или других болезней.

Думается, следует соотносить данный предмет с такой категорией, как жизнь, что позволит рассматривать ветвь или сучок в качестве двойника живого существа. В этом же значении данный образ находим в других жанрах. Т. Г. Леонова, анализируя сказочные сюжеты о коте, петухе и лисе (61В) и о мальчике и ведьме (327С, F), выявила символику персонажа-победителя

лисы и бабы-яги, т. е. хтонических существ. Этот персонаж исследовательница связывает со сферой домового, исходя из его имен и чудесного рождения из чурочки [Леонова, 2014, с. 268]. Домовой, как известно, покровитель, защитник дома. Один из атрибутов домового – веник, который используется в заговорах как оберег и вместе с тем как источник здоровья и крепости.

В функции уничтожения нечистой силы заговорный сучок соотносится с осиновым колом, который, по народным поверьям, нужно забить в сердце ведьмы или вурдалака, чтобы они не вредили людям. Известное в народной медицине средство – вбивание осинового или какого-либо другого сучка в отверстие в косяке, в которое вложены волосы или ногти больного ребенка. После того, как больной вырастет, станет выше того места, где забит сучок, недуг пройдет. В Омской области также зафиксирован следующий заговор от порчи: «Сучок в ноги забиваю и тебя навеки проклинаю <...>»⁴. Наряду с этим заговором, порчу заговаривают, как чирей: «Как сырой сучок сохнет и иссыхает, так у рабы Божьей вся порча выбродила, вся сохла, усыхала <...>» (ПМА, 1980).

В заговорах часто фигурирует мертвый сучок, выпавший. Но заговаривают также на сук на дереве, который должен сохнуть и не расти. Таким образом, в народной традиции сучок воспринимается как двойник живого существа (человека и смерти, больного и болезни). В таком значении сучок близок другому символическому образу – кукишу. Так, в Омской области ячмень заговаривают, используя и сучок, и кукиш. При этом саму болезнь нередко называют кукишем: «Ячмень-кукиш, что хошь – купишь...» (ПМА).

Представления о сучках какместилище души встречаются в шаманизме. Г. В. Ксенофонов приводит сведения о шаманском дереве, растущем ветвями вниз: на каждой ветви гнездо, в каждом гнезде воспитываются шаманы, сильные наверху, менее сильные внизу [Ксенофонов, 1992, с. 42]. Таким образом, рождение шамана связано с деревом, но не со всяким, а с особым: «Шаманы зарождаются далеко на севере, у корня мерзких заболеваний» [Ксенофонов, 1992, с. 60]. Из этого корня растет лиственница, на сучках которой расположены гнезда, в них шаманов выкармливает мать-зверь в образе птицы или оленя. Как и в русской традиционной магии, особое значение имеет хвойное дерево (символ вечности и смерти), а также дерево, связанное со злом, – корень заболеваний (в славянских верованиях осина).

С. В. Алпатов выявляет связь между ветками дерева и костями: повешенные на дерево кости животного сохраняют возможность его оживления [Алпатов, 2022, с. 34–35]. Мотив сближения человека и дерева восходит к древнейшим мифологическим представлениям, характерным для разных народов. Этот мотив символизирует тождество микро- и макрокосма. С. А. Ситникова доказывает, что в «гаданиях дерево выступает вегетативной метафорой

³ Полесские заговоры (в записях 1970–1990 гг.) / составление, подготовка текстов и комментарии Т. А. Агапкиной, Е. Е. Левкиевской, А. Л. Топоркова. Москва : Индрик, 2003. №351.

⁴ Москвина В. А. Русские заговоры в Западной Сибири (XIX – начало XXI вв.). Омск : Омский государственный педагогический университет, 2005. С. 304

человеческой жизни, красноречиво обозначая тот или иной эпизод жизненного цикла человека» [Ситникова, 2018, с. 71]. В русских заговорах данный мотив воплощен в двух основных сюжетных ситуациях. Во-первых, засыхающий на дереве сучок – засыхающая, исчезающая болезнь, например: «Дерево, дерево, тело, тело, как этому сухому суку ниче не прирастает, все на нем засыхает, засохни от удара боли, навеки веков. Аминь» (ПМА, 2003). Рассматривая семантическое поле огня, А. В. Гура отмечает символику сухого дерева как ипостась человека и приводит примеры заговоров: «Дерево сухое – <...> сохнуть будеш...» и «Как в печи дрова шибко, пышно сохнут и горят, так бы и у раба божьего (имя) сердце горело и сохло...» [Гура, 2023, с. 36–37].

Во-вторых, перенос болезней с человека на дерево: «<...> Дубище-дубище, возьми с этого младенца зубищи: теменный – на макушку, подзатыльный – на корень, боковые – на сучья, на широкаи месты, на зеленаи дубы <...>»⁵.

Идея помещения болезней на дерево, по всей видимости, выражена в заговоре, записанном в Татарской АССР в 1983 г.: «<...> Матерь Пресвятая Богородица, есть у нас печь, печь решетчатая, на печке – яблонька, а на яблоньке – сучки, а на сучках – яблочки. Некому эти яблочки ни рвать, ни щипать, рабе Божьей скорби, болезни утешать»⁶. В этом значении дерево воспринимается как вместилище нечистой силы, что подтверждается сведениями из витебско-псковской магической традиции: А. С. Цыганкова пишет о дереве как локусе ведьмы, отбирающей молоко у коров [Цыганкова, 2021, с. 98].

Соотношение сучка как ритуального предмета и как вербального символа реализуется следующими способами: во-первых, сучок может быть задействован только в ритуале – его зачерчивают или им очерчивают вокруг пораженного места; во-вторых, сучок может фигурировать только в тексте заговора; в-третьих, сучок одновременно участвует в ритуале и является вербальным символом, что наиболее характерно для заговоров с рассматриваемым атрибутом. Первые два способа скорее говорят о разрушении подобных заговорно-заклинательных обрядов. Отсутствие манипуляции с сучком при наличии этого образа в тексте, видимо, свидетельствует о неточности фиксации заговора. В ритуале обычно используется реальный сучок, о котором в тексте говорится, что он сохнет и не растет. Типичные формулы: «как этот сучок сохнет», «как на дереве сучок сохнет». В первом случае исцеление ожидается от конкретного предмета, а во втором – происходит совмещение двух планов – реального и символического. Сучок в тексте может быть олицетворенным образом: «Как ты, батюшка сучок, засох, заблек навсегда и пропал <...>» [Москвина, 2005, с. 318]. Это также свидетельствует о символике двойничества данного предмета.

5 Там же. С. 250.

6 Русские заговоры и заклинания : материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / под редакцией В. П. Аникина. Москва : Издательство МГУ, 1998. №2289.

Таким образом, основные значения сучка как ритуального предмета и вербального символа – двойник человека или болезни, места отсылки недуга, а также воплощение смерти и орудие уничтожения нечистой силы. Рассмотренный предмет имеет типологические параллели в шаманизме.

Заговоров, где магическим средством выступают щепки, немного. Так, в сборнике Л. Н. Майкова (из рукописи XVII в.)⁷, в сборнике М. И. и А. М. Песковых (запись конца XIX – начала XX в.)⁸ – по одному, в сборнике под редакцией В. П. Аникина, где опубликовано около двух с половиной тысяч текстов, записанных в 1953–1993 гг., – три⁹, в публикациях и архивных записях, сделанных в Западной Сибири во второй половине XX в. – девять, из них в томе «Русский календарно-обрядовый фольклор» – три¹⁰, в фольклорном архиве Омского государственного педагогического университета – четыре, в личном архиве автора – один.

Чаще всего щепки переносят свойства того дерева или деревянного предмета, от которого были отделены. При заговаривании зубной боли к зубу прикладывают осиноую щепочку: «На море, на Океане, на острове Буяне растут три больших дуба. Под этим дубом лежит заяц. Переиди ты, зубная боль, тому зайцу» (ПМА).

Осина, с одной стороны, в народных представлениях нечистое дерево, но в то же время оберег, в частности от змей. Зубная боль в ряде заговорных текстов воплощается в виде червя, живущего в зубе, а черви, как и змеи, хтонические существа, боящиеся осины (здесь действует принцип гомеопатической магии). В тексте заговора видим также образ зайца, лежащего под дубом. В русском фольклоре известен образ зайца, уничтожающего растительность, в том числе обдирающего кору с осины: вместе с осиной заяц переймет, согласно заговору, боль.

После лечения испуга на ночь возле кровати ставят таз с водой, куда кладут «ложечку соли, веток ольшаника и палочек со скобы дверной» [Москвина, 2005, с. 150]. Как пояснила знахарка, «чтобы голова не болела». У русских дверная скоба – один из обязательных атрибутов в ритуале снятия сглаза и испуга, видимо, потому, что принадлежит границе между своим миром и чужим, куда изгоняют болезни.

Стружки от опорного столба передают его устойчивость объекту заговора. «Построгать с хлевногo столба стружек и положить их в ведро и напоить корову: Как этот столб стоит, не шатнет и не ворохнетя, с места не падает, так бы моя милая скотинка стояла, не шат-

7 Великорусские заклинания / послесловие, примечания и подготовка текста А. К. Байбурина. 2-е издание, исправленное и дополненное. Санкт-Петербург : Издательство Европейского Дома, 1994. № 91.

8 Обереги и заклинания русского народа. Москва : Крон-Пресс, 1998. С. 171.

9 Русские заговоры и заклинания : материалы фольклор. экспедиций, 1953–1993 гг. / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, составители С. В. Алпатов и др.; под редакцией В. П. Аникина. Москва : Издательство Московского университета, 1998. №864, 994, 1465.

10 Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: песни, заговоры / составители Ф. Ф. Болонев, М. Н. Мельников, Н. В. Леонова. Новосибирск : Наука, Сибирское предприятие РАН, 1997. №481, 486, 714.

нулась и не ворохнулась»¹¹. Данные примеры показывают, что через щепки передаются свойства не только дерева, но и предмета, от которого они отделены.

Щепки и стружки в качестве ритуальных предметов широко известны в шаманских практиках. По свидетельству А. В. Смоляк, в шаманизме без применения стружек не проходит ни одно камлание над больным, причем у одних народов стружки являлись только частью шаманского костюма и выполняли функцию оберега, а у других стружками покрывали больного, и они как бы принимали болезнь на себя.

Как и у русских знахарей, в шаманизме важную роль играл материал, из которого стружки изготавливали (ольха, тальник, рябина). Например, у нивхов моление духам воды происходило с использованием рябиновых стружек. Но главное воздействие стружек основывалось на их форме: нанайцы и ульчи считали, что в завитках запутываются злые духи и не могут вредить шаману. Самоназвание ритуальных стружек у этих народов (*гиасамса*, *гиасидан*, *гомсача*, *гесадан*) происходит от глаголов *гиа* и *гечуву* 'строгать (ножом)' [Смоляк, 1991, с. 233–235].

В русских заговорах сам процесс изготовления щепок также имеет значение лечебного средства: «“Есть море Окиян; на том море есть мост золотой, сидит на нем человек золотой, стружет стрелы золотыя и стреляет из раба Божия (имя рек) прикос <...> с рук и с ног, и от кости, и от мозгу, и со всех уд его <...>”. А говорите те слова на пенное масло на коровие нагретое, да стружки строгати настругом намелко черемховыя»¹².

В этом заговоре строгание щепок ассоциируется с метанием стрел, которые должны поразить нечистые силы, а количество щепок приравнивается количеству болезней, гнездящихся в разных частях тела. Итак, в заговорах, где используются щепки, помимо формы, важно их количество.

Особое значение как у русских, так и у коренных народов Сибири имеют щепки от разбитого молнией дерева. У верхоянцев такие щепки сжигают и их дымом окуривают людей и скот от болезней [Алексеев, 1980, с. 85]. Сибирские знахари с их помощью лечат утин: на поясицу

кладут щепку и по ней крест-накрест легонько ударяют топором: «Бабушка, ты что рубишь? – Утин рублю. – Руби сильнее, чтобы не было» (ПМА).

Подобные тексты, возможно, сохранили отголоски основного славянского мифа, в результате реконструкции которого В. В. Ивановым и В. Н. Топоровым выявлены мотивы преследования громовником своего змеиного антагониста, последовательно прячущегося под деревом, камнем: громовник расщепляет дерево, раскалывает камень, мечет стрелы¹³.

Таким образом, сопоставление знахарских щепок и шаманских стружек помогло установить, что использование данных атрибутов как иррационального средства воздействия зависит, от материала, из которого они изготовлены, их формы (щепка – стрела, стружка – завиток, в котором можно запутаться) и количества (множество щепок не позволит пропустить ни одну болезнь, а множество стружек не допустит до шамана ни одного духа).

Заключение

Таким образом, анализ древесных ритуальных предметов в заговоре показал их разнообразие и иррациональный характер. Предметы входят в текст в качестве самостоятельных образов, а могут использоваться относительно автономно от вербального компонента заговора. Семантика предмета находится в зависимости с функционально-тематической направленностью заговора, что в итоге определяет его содержание. Проанализированный материал показал широкое распространение древесных ритуальных предметов и усиление их полифункциональности в сибирских заговорных традициях. Границы семантического поля древесных атрибутов определяются, во-первых, типом дерева, с которым они связаны, во-вторых, их формой и количеством, в-третьих, соотношением с акциональным кодом и, в-четвертых, вербальным контекстом. Это позволяет знахарям использовать предметы из данной группы в заговорных обрядах любовного, лечебного, апотропеического назначения достаточно свободно. Причины расширения семантического поля ритуального предмета требуют дальнейшего исследования, и это должно происходить через накопление сопоставительного материала.

11 Обереги и заклинания русского народа... С. 171.

12 Великорусские заклинания... № 91

13 Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянская мифология // Славянская мифология : энциклопедический словарь. Москва : ЭЛЛИС ЛАК, 1995. С. 6.

Список литературы

- Агапкина Т. А. Словесные формулы в магическом ритуале: аспекты взаимодействия // *Studia Litterarum*. 2019. Том 4. №1. С. 310–329. DOI [10.22455/2500-4247-2019-4-1-310-329](https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-1-310-329). EDN [RJXCBL](https://www.edn.ru/RJXCBL)
- Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири / Академия наук СССР, Сибирское отделение, Якутский филиал, Институт языка, литературы и истории; ответственный редактор И. С. Гурвич. Новосибирск : Наука, 1980. 316 с. EDN [NWVRVY](https://www.edn.ru/NWVRVY)
- Алпатов С. В. Фольклорный мотив «Оживленный из косточек»: проблема межжанрового подхода к описанию и интерпретации // *Фольклор: структура, типология, семиотика*. 2022. Том 5. №1. С. 30–43. DOI [10.28995/2658-5294-2022-5-1-30-43](https://doi.org/10.28995/2658-5294-2022-5-1-30-43). EDN [UWVITS](https://www.edn.ru/UWVITS)
- Березкин Ю. Е. Возраст мотива и способы его определения // *Фольклор: структура, типология, семиотика*. 2019. №1. С. 17–45. DOI [10.28995/2658-5294-2019-1-17-45](https://doi.org/10.28995/2658-5294-2019-1-17-45). EDN [QCXHNB](https://www.edn.ru/QCXHNB)
- Гура А. Вода и огонь в славянской символике сновидений и в символическом языке культуры // *Антропологический форум*. 2023. №56. С. 25–61. doi [10.31250/1815-8870-2023-19-56-25-61](https://doi.org/10.31250/1815-8870-2023-19-56-25-61). EDN [MGWEDU](https://www.edn.ru/MGWEDU)
- Кляус В. Л. Сюжетика заговорных текстов славян в сравнительном изучении. К постановке проблемы. Москва : Наследие, 2000. 192 с. EDN [VUHOVG](https://www.edn.ru/VUHOVG)
- Ксенофонтов Г. В. Шаманизм. Избранные труды (публикации 1928–1929 гг.). Якутск, 1992. 299 с.
- Косицына Н. О. Пищевой код курских заговоров // *Лингвофольклористика*. 2023. №38. С. 62–67. EDN [CWIDMY](https://www.edn.ru/CWIDMY)
- Леонова Т. Г. Проблемы изучения регионального фольклора : монография. Омск : Амфора, 2014. Часть 2. 420 с.